

УДК 008+124.51

Денильханов А. Х.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

ВОСТОК-ЗАПАД: СОЦИАЛЬНАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ

АННОТАЦИЯ

Цель. Установить причины современного цивилизационного кризиса и определить стратегию его преодоления.

Процедура и методы. Для достижения указанной цели в работе применён широкий спектр общенаучных методов и политологических подходов: диалектический, аксиологический, структурно-функциональный, историзма, анализа и синтеза.

Результаты. Автор приходит к выводу, что в условиях обострения глобальных проблем современности, связанных с переоценкой ценностей общественного бытия и, как следствие, социокультурным эгоцентризмом Востока и Запада, необходимо выработать новую парадигму межкультурных отношений, основанных на незыблемых ценностях культуры.

Теоретическая и/или практическая значимость исследования заключается в комплексном подходе к межкультурной проблематике и формулировании предложений по преодолению современного планетарного кризиса через конструктивный диалог макрокультур, формирование глобальной цивилизации, основанной на истинных добродетелях и общечеловеческих ценностях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Восток-Запад, гендерная революция, глобализация, исламский фундаментализм, культура, цивилизация, этический релятивизм

СТРУКТУРА

Введение

Этический и моральный релятивизм

Гендерная революция

Заключение

A. Denilkhonov

Lomonosov Moscow State University
Lomonosovskiy prosp. 27 korp. 4, Moscow 119991, Russian Federation

EAST-WEST: SOCIAL TURBULENCE

ABSTRACT

Aim. To identify the causes of the modern civilizational crisis between East and West, to determine a strategy for overcoming it.

Methodology. To achieve this goal, the work uses a wide range of general scientific methods and political science approaches: dialectical, axiological, structural-functional, historicism, analysis and synthesis.

Results. The author comes to the conclusion that in the conditions of aggravation of the global problems of modern world associated with the revaluation of the social existence values and, as a consequence, the socio-cultural egocentrism of East and West, it is necessary to develop a new paradigm of intercivilizational relations based on the unshakable cultural values.

Research implications. The theoretical and/or practical significance of the research lies in an integrated approach to the intercivilizational problems and the formulation of proposals to overcome the modern planetary crisis through a constructive dialogue of macrocultures, the formation of a global civilization based on true virtues and basic human values.

KEYWORDS

East-West, gender revolution, globalization, Islamic fundamentalism, culture, civilization, ethical relativism

ВВЕДЕНИЕ

После подписания 1 февраля 1992 г. Кэмп-Дэвидской декларации¹ было официально зафиксировано окончание холодной войны. Закончилось острое идеологическое противостояние двух систем (капиталистической и социалистической), что позволило американскому философу и политологу Ф. Фукуяме провозгласить «конец истории», указать на достижение предела эволюционного развития человечества в форме либеральной демократии [12].

Практически одновременно другой американский философ и социолог, профессор Гарвардского университета С. Хантингтон высказал предположение, что конфликтное развитие истории будет продолжаться, но идеологическое противостояние сменится этнокультурным. Эту идею он сформулировал в своей знаменитой книге «Столкновение цивилизаций». «В мире после “холодной войны”, – пишет он, – наиболее важные различия между людьми уже не идеологические, политические или экономические ... Они идентифицируют себя с культурными группами: племенами, этническими группами, религиозными общинами, нациями – и на самом широком уровне – цивилизациями. Не определившись со своей идентичностью, люди не могут использовать политику для преследования собственных интересов» [13, с. 17] – и приходит к выводу, что более уместно группировать страны, исходя из культурных и цивилизационных критериев.

Вслед за А. Дж. Тойнби [11] С. Хантингтон дал свои характеристики большим устойчивым объединениям сообществ, связанным многовековым проживанием на определённой территории в рамках общего языкового ареала и религиозных традиций. Можно дискутировать, насколько точно им были определены границы этих цивилизационных образований. Важным здесь является его мысль о том, что именно в столкновении этих огромных бло-

¹ Кэмп-Дэвидская декларация Президента России Б. Н. Ельцина и Президента США Дж. Буша о новых отношениях // Внешняя политика России: сборник документов. 1990–1992. М.: Международные отношения, 1996. С. 225.

ков или систем и будут возникать конфликты в мировом сообществе, где, как предполагалось, преодолены идеологические противоречия. При этом, по прогнозу американского философа, конфликты будут «особенно часто возникать между мусульманами и немусульманами» [13, с. 324], идентифицируя «кровавые границы» между исламской и неисламской цивилизациями [13, с. 412]. По мнению современных отечественных исследователей А. Н. Чумакова и М. С. Стычинского, «цивилизационная составляющая таких систем ... – это культура отношений и поведения в обществе как индивидов, так и отдельных субъектов на всех уровнях, от локальных, местных, частных до международных и общечеловеческих» [14, с. 5].

Действительно, основой данного противостояния, как мы сегодня наблюдаем, являются социокультурные ценности, которые коллективный Запад, в отличие от мусульманского Востока и Восточной Азии, последовательно, посредством интерпретации, подвергает семантической деформации, абсолютизируя общечеловеческие ценности свободы и равенства, придавая им крайние формы: свобода вылилась в «свободу без берегов», а социальное равенство – в генерирование «среднего пола». Эти пастеризованные самобытные ценности Запада стали уже трендом социальной политики многих стран, а также триггером деструктивной идеологии и глобальной дестабилизации. При этом страны, придерживающиеся консервативных устоев и мироустройства, считаются нецивилизованными, культурно отсталыми, ущемляющими права и свободы человека.

Запад переживает доктринальный кризис неолиберализма, связанный с абсолютизацией ценности индивидуализма и индивидуальной свободы: значимость и место в обществе отдельно взятой личности стали определяться через её способность и искусность зарабатывать деньги, приобретать и приумножать материальные блага в условиях жёсткой конкуренции рыночной экономики. Случился парадокс: с одной стороны, личность получила максимальную возможность материально обогащаться; с другой – оказалась противопоставленной социуму, так как главным субъектом его взаимоотношений стало государство, перед которым у неё имеются определённые формальные обязательства (соблюдать законы, платить налоги, рассчитывать на преференции и т. п.). Такой мировоззренческий подход к индивиду, его свободе самовыражения дошёл до апогея: в социальном плане личность погрузилась в одиночество и бросила вызов обществу, начав переоценивать субстанциональные основы бытия – ценности культуры, этики, эстетики, вплоть до гендерных различий. Нарушилась структура западного мира, который открыл «ящик Пандоры», пересмотрев этические нормы и постулаты, на которых держались межличностные отношения и миропорядок. Как следствие, всё это привело к цивилизационному кризису между Востоком и Западом.

В исследовании ставится цель: установить причины кризиса межцивилизационных отношений, определить стратегию его преодоления. В контек-

сте общенаучных методов и политологических подходов (диалектического, аксиологического, историзма, структурно-функционального, анализа и синтеза) поставлены и решены следующие задачи: проанализирована постмодернистская модель развития общества, в результате которой подверглись переоценке базовые ценности социума и миропорядка; исследованы социально-культурные сдвиги, которые привели к гендерной революции, а также её последствия.

ЭТИЧЕСКИЙ И МОРАЛЬНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ

В настоящее время мы имеем дело с тотальным, агрессивным этическим и моральным релятивизмом Западного мира: принципиально и перманентно карнавализуются формы бытия человека, смещаются представления о должностовании. Для того чтобы приучить общественность к естественности такого положения, проводятся «гей-парады», карнавалы – яркие зрелищные шествия, – на которых демонстрируются персонажи, полуодетые или украшенные перьями, блёстками, идущие под разноцветными флагами. Шествие превращается в праздник, привлекательный для зевак и оказывающий влияние на сознание подростков. При этом все эти мероприятия проводятся под лозунгами защиты прав подрастающего поколения на гендерное самоопределение. В авангарде этих процессов – Швеция, где государство демонстрирует своё максимальное присутствие в воспитании детей, заменив при этом семью. Эта постмодернистская ситуация отмечена и отражена отечественными исследователями. В частности, по мысли Е. Б. Рашковского, «весь этот новый, в значительной мере основанный на глобальных, всепроникающих информационных технологиях жизненный процесс во многих отношениях знаменовал собой расшатывание и разлом устоявшихся базовых жизненных смыслов, ... новые сочетания элементов архаической традиционалистской и рационалистической памяти современного человека» [9, с. 98].

Процессы карнавализации жизни социума, а следовательно, смеховое, как бы игровое, разрушение базовых установок, на которых происходило последовательное развитие, активно разворачивается, по большей части, в католических странах, в культурном и территориальном пространстве которых утвердилось либеральное мировоззрение со всеми его великими достижениями и сложностями. Конечно, католические иерархии препятствовали распространению физиологических и социальных девиаций в обществе. Так, папа Бенедикт XVI (Йозеф Алоиз Ратцингер) проводил жёсткую консервативную политику в отношении разного рода отклонений, которых в период его понтификата было выявлено немало. Напротив, ныне действующий папа Франциск (Хорхе Марио Бергольо) стал первым понтификом, выступившим за легализацию однополых гражданских союзов. Процесс легитимации «карнавала» в обиходе сегодняшнего дня, широкое признание права личности

распоряжаться, как заблагорассудится, и собственным телом, и общественными структурами набирает ход чуть ли не в геометрической прогрессии. Появился и популяризировался термин «сексуальное меньшинство», сторонники которого периодически бросают вызов традиционным ценностям социума под надуманными лозунгами ущемления их прав и свобод. «Политические движения “сексуальных меньшинств”, – отмечает в связи с этим А. Буровский, – тысячекратно преувеличивают значение явления, чуть ли не сводят всю историю человечества к “борьбе ... за свои права”. Они “борются”, получая иностранные гранты, известность, властные полномочия» [2, с. 6].

Десекуляризация Западного мира, в большинстве исповедующего католическую или протестантскую версии христианства, вызывала тревогу многих мыслителей. В частности, М. Велькер, современный немецкий богослов, в книге «Христианство и плюрализм» пишет: «Мораль в наших плюралистических обществах увязла в кризисе ... Именно поэтому мораль нуждается в этносе, и этот этнос имеется в наличии в любом сообществе» [4, с. 184, 196].

О катастрофических последствиях для всего человечества при отказе от сдерживающих ложную свободу нравственных устоев предупреждал также П. Дж. Бьюкенен, американский политик и публицист, стоявший на ультраконсервативных позициях: «Америка, в которой выросли многие из нас, сгинула безвозвратно. Культурная революция овладела умами миллионов, уже не во власти политиков обратить её вспять, даже наберись они смелости попытаться. Нация оказалась расколотой пополам. Партия католиков, принадлежащая рабочему классу, почти на 100 процентов состоит из борцов за права геев. Партия морального большинства и христианского единения выбросила белый флаг, уступив заботу о подрастающем поколении Министерству образования. Молодые люди не задумываются о спасении душ – их гораздо больше волнует Nasdag (Индекс состояния высокотехнологичных отраслей американской промышленности. – *Прим. перев.*)» [3, с. 74]. П. Дж. Бьюкенен отметил и цивилизационное противоречие, которое стало в высшей степени актуальным в последнее время: «Какая ирония! Сегодня ослабевший, умирающий христианский Запад требует от третьего мира и “мусульманского пояса” принять контрацептивы и легализовать аборты и стерилизацию. Но для чего этим народам заключать с нами самоубийственный пакт, когда они и без того унаследуют от нас, безвременно сошедших со сцены, весь земной шар?» [3, с. 76].

В развитие данного тезиса следует отметить, что даже при всей многоаспектности внутренней дифференциации «мусульманского пояса» на первый план выдвигается наличие наиболее общего и принципиального противоречия Западного и Восточного миров, принципиальной основой которого является социокультурное и медиакультурное пространство. Согласно мнению другого американского профессора истории и эксперта по исламу Дж. О. Волла, «...исламский фундаментализм – это не что иное, как своео-

бразный ответ на огромные социальные и культурные перемены, ... воспринимаемые как угроза расшатывания и разрушения исламской идентичности или подавления этой идентичности путём соединения её с большим количеством других компонентов» [15, р. 347, 350], как противостояние контркультуре, деструктивной пропаганде в современном информационном пространстве. Аналогичной точки зрения придерживается и С. А. Семедов, который пишет: «Исламский мир воспринимает достижения западной цивилизации в той мере, в какой считает это целесообразным и выгодным, то есть до уровня, который не позволяет западному образу жизни вторгнуться в духовную жизнь мусульман» [10, с. 152].

И тогда возникает существенный вопрос: «А где же очерчены границы допустимого проникновения западной культуры в восточную?».

Понятно, что мир сегодня существует в условиях глобализации, т. е. всемерной интеграции стран и народов в экономической, политической, научной сферах. До последнего времени всё это считалось важным цивилизационным достижением. Были очевидны и движения в культурной сфере: влияние западного кинематографа распространилось на весь мир, как бы связывая все народы единством художественного переживания реальности. Остались под вопросом религиозная и этно-этическая сферы.

Относительно религиозного пространства всё более или менее теоретически понятно. Сошлёмся на мнение видного английского социолога Э. Гидденса, который в своей работе «Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь» констатирует: «Фундаментализм – дитя глобализации. Он одновременно является реакцией на неё...» [5, с. 66]. При этом трактует мир как «ускользающий», потому что в процессе глобализации он не только не стал более управляемым, но вообще вышел из-под контроля и «ускользает из рук», в мир привносится хаос, которому пытаются придать видимость управляемого. Э. Гидденс отчётливо формулирует проблему, которая оказалась наиболее актуальной в последнее десятилетие: «И всё же фундаментализм – не только антитеза глобалистской современности: он ставит перед ней ряд вопросов. Главный из них таков: способны ли мы жить в мире, где нет ничего святого?» [5, с. 66].

Стало уже очевидным, что традиционные общества, сохраняющие свои этические установки и во многом формы социального поведения, не согласились со значимостью трактовок проблемы гендерной идентичности, которыми озабочены элиты Запада. Мусульманский мир, влияния которого опасались некоторые западные мыслители, в большинстве сохраняет самоопределение в своих начальных базовых установках. Этому способствует строгость этических требований шариата². По мнению коллектива авторов

² Шариат – араб. «аш-шар'а» – «Закон», «ясно установленный путь»), комплекс верований ('а'ид) и религиозно-правовых норм (акм), которым должен следовать мусульманин. Нормы шариата охватывают две области: отношения человека с Богом и его отношения с другими людьми

учебного пособия, «к сильной стороне исламского мира можно отнести то обстоятельство, что он мало восприимчив к западным культурным, морально-этическим и политическим ценностям, а в ряде случаев открыто их отторгает. При этом навязывание западных моделей ведёт, как правило, к усилению влияния ислама на широкие массы населения»³. Строгая и конкретная регламентация всех сторон жизни мусульманина способствует сохранению традиционных установок и тем самым поддержанию нравственного и физического здоровья, а в сущности – возможности продолжения жизни последователей исламского наследия. По мнению Л. Е. Гринина и А. В. Коротаева, «ислам является для очень многих жителей мусульманских стран (а возможно, и для большинства из них) очень важной частью их мировоззрения и повседневной жизни. Вот почему исламисты нередко выигрывают выборы. Неудивительно, что в мусульманском мире почти не осталось стран, где бы исламизм не превратился во влиятельный и устойчивый фактор внутренней и внешней политики. То, что в конце прошлого столетия представлялось частными эпизодами, оказалось одним из главных трендов мировой политики» [6, с. 7].

Разумеется, пространство исламской культуры, как и любое цивилизационное пространство, сохраняется ядром верных носителей традиций, вокруг которого располагаются те, кто причисляет себя к сторонникам этих норм. Несмотря на значительную дифференциацию приверженцев ислама на течения по различному пониманию отдельных сур Корана, все объединены обязательной строгостью в исполнении религиозных предписаний. Отчётливое требование к соблюдению определённых норм свидетельствует об их наличии, ограничивающих человека от вседозволенности, ведущей человечество к печальным, возможно, даже трагическим последствиям.

Стремление закрыться от насаждения того, что определяется как «ценности» в европейском цивилизационном поле, присутствует во всех традиционных обществах, особенно в восточноазиатских государствах. В данном исследовании за основу взяты проблемы цивилизационных столкновений западной и исламской традиций главным образом потому, что, как указывают многие отечественные и европейские мыслители, существует риск эскалации в этой сфере.

Вместе с тем следует уточнить, что в данном исследовании не затрагиваются перманентные многовековые дискуссии об особенностях понимания сакрального в мире, хотя следует заявить, что имеются определённые точки, в которых совпадают все религиозные конфессии в аксиологическом пони-

и общиной, регулируя практически все сферы повседневной жизни. См.: Академик [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/1264/ШАРИАТ (дата обращения: 20.12.2022).

³ Ислам в мировой политике в начале XXI века: учеб. пособие / под ред. Л. М. Ефимовой, М. А. Сапроновой. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 15.

мании бытия. Это ценность семьи, социальное распределение гендерных позиций, положение отца-матери, мужа-жены, отношение к пожилым людям и т. п. Казалось бы, наличествуют незыблемые постулаты, которые определяют общность цивилизационного пространства человечества. Но в последнее время в европейской части цивилизации отмечается ажиотажный интерес к гендерным проблемам, который обретает не только форму общетеоретических рассуждений о свободе и равенстве, но и агрессивные варианты принуждения к принятию определённых моделей существования. Судя по масштабу перемен в ценностной иерархии, которые происходят в евро-атлантическом сообществе, можно говорить даже о революции в социальном конструкте.

ГЕНДЕРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Эпоха гендерной революции⁴ постепенно формировалась в четырёх Всемирных конференциях по положению женщин, проводившихся в разных странах (1975–1995 гг.). На них ставились важные вопросы по определению юридических и гражданских прав женщин во всём мире.

Подспудно происходило формирование гендерной идеологии, что обошлось на Всемирной конференции ООН по положению женщин (Пекин, 1995 г.). Здесь, помимо обсуждения положения женщин в социальной, производственной и научной сферах, впервые использовался термин «гендер» для определения нового мировоззрения, рассматривающего различия между полами не как естественные, врождённые, а как воспитываемые обществом⁵.

Собственно, идеи социального равноправия женщин актуализировались в конце XIX в., а в начале XX в. уже обрели характер политического движения. При этом всё более отчетливо обсуждались вопросы психофизических особенностей мужчин и женщин, приводились рассуждения о необходимости принятия отсутствия различий, стирания граней, о том, что возможности женщины не сводятся к её роли в семье. Эти идеи получили авторитетное оформление в работах философа-экзистенциалиста С. Бовуар [1] и психолога П. Ломброзо [7].

Последним значимым документом в области гендерного регулирования является Стамбульская Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием. Стамбульская Конвенция, открытая для подписания в 2011 г., является первым юридически обязывающим документом, который «создаёт всеобъемлющую правовую

⁴ Судя по масштабу перемен в ценностной иерархии, скажем осторожно, евро-атлантического сообщества, можно говорить именно о революции.

⁵ См. Пекинская декларация (принята четвёртой Всемирной конференцией по положению женщин, Пекин, 04–15.09.1995) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml (дата обращения: 20.12.2022).

базу и подход к борьбе с насилием в отношении женщин» и направлен на предотвращение бытового насилия, защиту жертв и судебное преследование виновных⁶. Вроде бы очевидно благие намерения не должны вызывать сомнений. Однако даже Турция, ратифицировавшая документ, уже в 2012 г. заявила о выходе из Конвенции. Россия не подписала Стамбульскую Конвенцию, поскольку, по мнению российских правозащитников, она даёт неприемлемые возможности государству для вмешательства в частную жизнь семьи, что является верным путём к разрушению института семьи. Это опасные тенденции, но ещё больше вопросов вызывает стремление утвердить в общественном сознании идеи не просто о равноправии двух полов, но и о легализации существования «социального пола», базирующегося на самоощущении человека; понятие «пол» отныне пытаются трактовать как набор социально-культурных стереотипов. Причём возраст человека, дающий право на самоопределение гендерной идентичности, всё больше понижается. Согласно данным, приведённым в сетевом издании «Новые Известия» со ссылкой на другие источники (медпортал Medikforum, датское издание Berlingske, британская газета Daily Mail и др.), «правительства, копируя друг друга, наперегонки всерьёз обсуждают легализацию смены пола в детском возрасте и принимают соответствующие законы. В Норвегии подобное право у юных жителей страны появляется с семи лет, а в Великобритании – с девяти. Пять лет назад свыше 800 маленьких англичан в возрасте от 10 лет и старше получали лекарства для смены пола ... В Дании менять пол можно с 12 лет, но при этом без внесения изменений в паспорт»⁷.

Мария Захарова, директор департамента информации и печати МИД России, в одном из своих выступлений, посвящённом данной проблематике, отмечает: «Согласно рекомендациям Правительства штата Новый Южный Уэльс, трёхлетним детям следует предоставить возможность выбрать то местоимение, которое они предпочтут для обращения к себе. Помимо традиционных “он” и “она” предлагается включить в перечень местоимение “они” для тех, кто видит себя вне бинарной системы полов»⁸. Это, по её утверждению, не безумная инициатива региональных властей, а уже мировая тенденция. В этой связи М. Захарова задаётся вопросом, на который сама же и отвечает: «Кто сказал: “Я считаю, что брак – это союз мужчины и женщины. Для меня это также и освящённый союз. К его созданию прикладывает руку Господь”? Какой-то христианский пастор? Исламский проповедник? ... Нет. Эти слова

⁶ Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбул, 11.V.2011). [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/168046253f> (дата обращения: 15.01.2023).

⁷ Новая ненормальность: в каких странах уже можно менять пол детям // Новые известия: [сайт]. [11.11.2021]. URL: <https://newizv.ru/news/2021-11-11/novaya-nenormalnost-v-kakih-stranah-uzhe-mozhno-menyat-pol-detyam-342374> (дата обращения: 20.12.2022).

⁸ Там же.

произнёс кандидат в президенты от Демократической партии США Барак Обама в 2008 году. То есть еще 12 лет назад услышать такое от главного демократа Америки было абсолютно нормально. Сейчас это заявление выглядело бы в рамках американской внутривнутриполитической повестки как ретроградное, ультраконсервативное, а демократ с такими ценностями был бы “обчирикан” в “Твиттере” и с позором изгнан из “Инстаграма”⁹ ... Прошло всего чуть больше 10 лет, а по всему свету узакониваются десятки, да что там – до сотни гендеров, принимаются точечные региональные законы, вторгающиеся в самую суть человеческого существа»¹⁰.

Определённой реакцией и одной из форм борьбы с такого рода «самоощущением» стали изменения, которые были внесены в 2020 г. в базовый нормативный акт Российской Федерации – Конституцию и которые касались наряду с другими правоотношениями института семьи и брака. В российской культуре и семейном праве брак традиционно рассматривался как добровольный союз мужчины и женщины, но нормативного закрепления гендерного аспекта этих отношений не было, что позволяло спекулировать на данную тему сторонникам однополых союзов. Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» легализован этот аспект института брака (п. ж. 1 ст. 72 Конституции РФ). При этом Конституционный Суд РФ в своём Заключении от 16.03.2020 пояснил, что поправка в Конституцию РФ о браке как союзе мужчины и женщины не снимает с государства обязанности уважать различия в сфере частной жизни, в том числе в сексуальной ориентации: «Поскольку одно из предназначений семьи – рождение и воспитание детей, в основе законодательного подхода к вопросам демографического и социального характера в области семейных отношений в РФ лежит понимание брака как союза мужчины и женщины, что согласуется со статьями 7 и 38 Конституции РФ и не противоречит Международному пакту о гражданских и политических правах (статья 23) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 12)»¹¹. Другим нормативным актом в этой сфере является Указ Президента Российской Федерации

⁹ Социальные сети «Твиттер» и «Инстаграм» признаны экстремистскими, заблокированы и запрещены на территории Российской Федерации.

¹⁰ Мария Захарова: кто и зачем проводит эксперименты на детях // Российская Газета: [сайт]. [12.09.2021]. URL: <https://rg.ru/2021/09/12/mariia-zaharova-kto-i-zachem-provodit-eksperimenty-na-detiah.html> (дата обращения: 20.12.2022).

¹¹ Заключение Конституционного Суда РФ о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации от 16.03.2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision459904.pdf> (дата обращения: 20.12.2022).

от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», выступающий документом стратегического планирования в сфере национальной безопасности Российской Федерации, согласно которому традиционные ценности составляют основу российского общества.

Нормативное закрепление непреходящих общественных ценностей является важной составляющей как внутренней политики государства, так и мировой, глобальной политики. Различные конвенции, посвящённые защите прав и свобод человека, довольно широко трактуют их. В этом имеется своя логика, так как нормы конвенций должны быть применимы к культуре, традициям и другим особенностям различных стран и народов. Но их следует трактовать как принципы, которые дают ориентир для внутреннего нормотворчества государств, подписавших и ратифицировавших их. Право конкретного государства как основной регулятор общественных отношений, устанавливая границы должного поведения субъектов, является разумным и нравственным «ограничителем», который противостоит вседозволенности и произволу человеческой сущности в мнимой борьбе за абсолютизацию прав.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях обострения глобальных проблем необходимо выработать новые подходы к осмыслению межкультурных отношений с целью их гармонизации и прогнозирования будущего мирового порядка, основным объектом которого станет культура с её истинными добродетелями, а не гипертрофированными ценностями. «Для современного процесса глобализации, – пишут в совместной статье Т. М. Махаматов и Т. Т. Махаматов, – в целом характерна парадигма сосуществования, выживания и диалектического единения разных культурно-цивилизационных регионов мира в условиях нового обострения глобальных проблем», – и приходят к выводу о необходимости диалога макроцивилизаций и «формирования глобальной цивилизации» [8, с. 84, 91]. Для этого, как они заключают, следует преодолеть социокультурный эгоцентризм как Запада, так и Востока.

Следует пояснить, что «диалектическое единение разных культурно-цивилизационных регионов мира» вовсе не означает их унификацию, а скорее, «единство и борьбу противоположностей»: единство – как гармоничное сосуществование многообразия; борьбу противоположностей – взаимное обогащение с сохранением сущностных признаков общечеловеческих ценностей и противодействием их негативному толкованию, тлетворно влияющему на сознание и культуру.

К аналогичному выводу приходят и другие отечественные исследователи данной проблематики, которые отмечают, что «перед вызовами глобали-

зации в более выгодной ситуации оказываются те страны, где первостепенное внимание уделяют культуре, что, несомненно, сказывается и на уровне развития гражданского общества, и на том, насколько эффективно используются новые технологии общественного управления, именуемые “мягкой силой”. Иными словами, будущее закладывается уже сегодня, причём, в первую очередь, в духовной, гуманитарной сфере» [14, с. 13].

Безусловно, все этнокультурные процессы западного цивилизационного пространства выросли на основе тысячелетних традиций, которые сегодня потребовали вдумчивого и критического осмысления. Как показывает практика, внутри этого пространства к данным процессам социум тоже относится неоднозначно: наряду с приверженцами ультрасовременной трактовки субстанциональных основ культуры присутствуют традиционалисты, придерживающиеся консервативных взглядов и призывающие вернуться к её истокам. Этот конфликт в перспективе выйдет из этнокультурных границ в геополитическое, а затем и в экономическое пространство.

Диалог культур, а не их конвергенция станет точкой отсчёта гармонизации отношений Востока и Запада, поскольку именно культура является незыблемым субстратом любого этноса. Поэтому приверженность традиционным ценностям становится маркером на жизнеспособность социума и цивилизации.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 30.12.2022

Статья размещена на сайте: 04.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Бовуар С. Второй пол: в 2 т. / пер. с фр., общ. ред., вступ. ст. С. Г. Айвазовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. 832 с.
2. Буровский А. М. Гендерная революция. СПб.: Крылов, 2019. 320 с.
3. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, 2003. 444 с.
4. Велькер М. Христианство и плюрализм / пер. с нем. Д. Бумажнова, А. Петровой. М.: Республика, 2001. 207 с.
5. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М. Л. Коробочкина. М.: Весь Мир, 2004. 120 с.
6. Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Исламизм и его роль в современном исламском обществе. М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2019. 144 с.
7. Ломброзо П. Женщина, ее физическая и духовная природа и культурная роль / пер. с ит. М. Н. Тимофеевой, С. П. Полтавского. СПб.: Издательство «Вестника знания», 1910. 64 с.

8. Махаматов Т. М., Махаматов Т. Т. Запад и Восток в аспекте формирования глобальной цивилизации // Век глобализации. 2020. № 1. С. 83–92.
9. Рашковский Е. Б. Религиозная динамика эпохи постмодерна // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 2. С. 93–100.
10. Семедов С. А. Исламский радикализм в современном мире: сущность и причины возникновения // Россия и мусульманский мир. 2010. № 4. С. 149–158.
11. Тойнби А. Дж. Постигание истории: избранное / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Айрис-Пресс, 2008. 521 с.
12. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. 603 с.
14. Чумаков А. Н., Стычинский М. С. Культурно-цивилизационный диалог и его возможности в условиях глобального мира // Век глобализации. 2018. № 1. С. 3–14.
15. Voll J. O. Fundamentalism in the Sunni Arab World: Egypt and the Sudan // Marty M. E., Appleby R. S. Fundamentalisms Observed. Chicago: The University of Chicago Press, 1991. P. 345–402.

REFERENCES

1. Beauvoir S. Le Deuxième Sexe (Rus. ed.: Aivazova S. G., ed. *Vtoroi pol.* Moscow, Progress Publ., St. Petersburg, Aleteya Publ., 1997. 832 p.).
2. Burovsky A. M. *Gendernaya revoliutsiya* [Gender revolution]. St. Petersburg, Krylov Publ., 2019. 320 p.
3. Buchanan P. J. The Death of the West (Rus. ed.: Bashkirov A., transl. *Smert Zapada*. Moscow, AST Publ., 2003. 444 p.).
4. Welker M. Christentum und Strukturierter Pluralismus (Rus. ed.: Bumazhnov D., Petrova A., transl. *Khristianstvo i plyuralizm*. Moscow, Respublika Publ., 2001. 207 p.).
5. Giddens A. Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives (Rus. ed.: Korobochkin M. L., transl. *Uskol'zayushchii mir. Kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'*. Moscow, Ves mir Publ., 2004. 120 p.).
6. Grinin L. E., Korotaev A. V. *Islamizm i ego rol' v sovremennom islamskom obshchestve* [Islamism and its role in modern Islamic society]. Moscow, Moskovskaya redaktsiya izdatel'stva «Uchitel'» Publ., 2019. 144 p.
7. Lombroso P. La donna, la sua natura fisica e spirituale e il suo ruolo culturale (Rus. ed.: Timofeeva M. N., Poltavskii S. P., transl. *Zhenshchina, ee fizicheskaya i dukhovnaya priroda i kul'turnaya rol'*. St. Petersburg, Izdatel'stvo «Vestnika znaniya» Publ., 1910. 64 p.).
8. Makhamatov T. M., Makhamatov T. T. [The West and The East in terms of formation of the global civilization]. In: *Vek globalizatsii* [Age of globalization], 2020, no. 1, pp. 83–92.
9. Rashkovskiy E. B. [Religious dynamics of the postmodern era]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2009, no. 2, pp. 93–100.

10. Semedov S. A. [Islamic radicalism in the modern world: the essence and causes of its occurrence]. In: *Rossiya i musul'manskii mir* [Russia and the Moslem world], 2010, no. 4, pp. 149–158.
11. Toynbee A. J. Comprehension of History (Rus. ed.: Zharkov E. D., transl. *Postizhenie istorii*. Moscow, Iris-Press Publ., 2008. 521 p.).
12. Fukuyama F. [The end of history?]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1990, no. 3, pp. 134–148.
13. Huntington S. Clash of Civilizations (Rus. ed.: Velimeev T., Novikov Yu., transl. *Stolknoveniye tsivilizatsii*. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p.).
14. Chumakov A. N., Stychinsky M. S. [The cultural-civilizational dialogue and the opportunities it provides in the global world]. In: *Vek globalizatsii* [The age of globalization], 2018, no. 1, pp. 3–14.
15. Voll J. O. Fundamentalism in the Sunni Arab World: Egypt and the Sudan. In: Marty M. E., Appleby R. S. *Fundamentalisms Observed*. Chicago, The University of Chicago Press, 1991, pp. 345–402.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Денильханов Асланбек Хаважович – кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доцент Высшей школы бизнеса Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, член коллегии Адвокатской палаты г. Москвы; e-mail: aslanbekk@yandex.ru

Aslanbek K. Denilkhonov – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Philosophy of Politics and Law, the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Asst. Prof., Lomonosov MSU Business School; Member of the Board, Moscow Bar Association; e-mail: aslanbekk@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Денильханов А. Х. Восток-Запад: социальная турбулентность // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2023. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Denilkhonov A. Kh. East-West: social turbulence. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2023, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru